

Автобиографическое, историческое и философское время в романах-воспоминаниях

Игошев Кирилл Михайлович,

аспирант Луганского национального университета им. Тараса Шевченко,

Украина

Данная статья посвящена проблеме отражения реального времени в романах-воспоминаниях. В ней, на примерах нескольких произведений этой жанровой разновидности романа, прослеживаются особенности художественного времени в его автобиографическом, историческом и философском аспектах.

Ключевые слова: *время, роман-воспоминание, автобиографическое время, историческое время, философское время*

Дана стаття присвячена проблемі відображення реального часу в романі-спогаді. У ній, на прикладі декількох творів цього жанрового різновиду роману, прослідковуються особливості художнього часу в його автобіографічному, історичному та філософському аспектах.

Ключові слова: *час, роман-спогад, автобіографічний час, історичний час, філософський час*

This article is devoted to the issue of reflection of real time in memoir-novels. In it the author, using as material texts of several memoir-novels, shows the peculiarities of literary time in its autobiographical, historical and philosophical aspects.

Key-words: *time, memoir-novel, autobiographical time, historical time, philosophical time.*

Роман-воспоминание – большое эпическое произведение в прозе, прототипом главного героя которого является автор. Сюжет романа-воспоминания составляют художественно обработанные события и

характеры, основанные на автобиографии автора с использованием художественного вымысла.

Временное измерение особенно важно для романа-воспоминания, так как именно в нем заключается секрет достоверного изображения прошлого. Ретроспективный и мемуарный характер романа-воспоминания обуславливают жесткую привязку описываемых событий к конкретной исторической эпохе, с указанием года, месяца и даже дня происходящего. Реальными хронологическими ориентирами в произведении могут послужить важные исторические события. Подытоживая вышесказанное, хронотоп романа-воспоминания максимально приближен к реальности (насколько это позволяет референциальная функция языка и текста).

Темой статьи являются способы выражения автобиографического, исторического и философского временных измерений в романах-воспоминаниях. Цель статьи – определить особенности и универсальные черты подобных описаний на материале различных романов-воспоминаний. В качестве материала для анализа мы выбрали романы-воспоминания К. Вольф «Образы детства», Г. Грасса «Луковица памяти», В. Дрозда «Музей живого писателя, или Моя долгая дорога на рынок», И. Жиленко «Nomo feriens», М. Ивасаки «Настоящие мемуары гейши», Дж. Кутзее «Юность», С. Тендо «Луна якудза».

Мы выделяем три типа времени в романе-воспоминании: автобиографическое (личное), историческое и философское. Автобиографическое, или личное время – это элементарное временное измерение романа-воспоминания на котором базируются более сложные формы художественного времени: «Личное время развернуто, протяженно, наполнено подробностями автобиографического бытия – объективно незначительными, но важными для формирования героя» [9, с. 73]. Историческое измерение времени возникает, когда автобиографический герой попадает в поток исторических событий национального или

межнационального масштаба: «Исторический план воссоздается параллельно с бытовым и чаще всего проявляется как часть рамочной композиции, участвуя в организации исторического фона. Обычно это непосредственное описание событий или их последовательное перечисление (в зависимости от избранной автором формы)» [7, с. 164]. Примеров проявления исторического времени в романах-воспоминаниях можно привести множество. Остановимся на романе-воспоминании Дж. Кутзее «Юность». Дж. Кутзее родился и вырос в ЮАР, но всю юность провел в мечтах о том, как бы поскорее покинуть тяготившую его родину. Одной из причин подобного решения было обострение политической ситуации в республике и угроза «цветной» революции: «Они (белые члены парламента. – К. И.) проводят законы, согласно которым африканцы и только африканцы ограничиваются в правах. Протесты вспыхивают повсеместно. В Трансваале полиция ведет огонь по толпе, а потом, будто сойдя с ума, продолжает стрелять в спины убегающих мужчин, женщин, детей ... Там, где проводят марши протеста, всегда присутствует полиция, которая ждет лишь повода для стрельбы» [11, с. 33]. Волны протестов, забастовок и маршей прокатились по стране: везде слышно лозунги ПАК (Проафриканского конгресса) – «Африка для африканцев! Сбросим белых в море!» Накануне «цветной» революции у Джона, как у белого человека, не остается другого выбора кроме как уехать. Что он и делает, эмигрируя вначале в Англию, а позже в США.

На Украине тоже происходили значимые исторические события. Украинский прозаик В. Дрозд родился в 1939 году, и на его долю выпало пережить все ужасы Второй Мировой войны: голод, холод, бомбардировки, пожары, смерть родных: «Гром еще в чистом, летнем небе, бомбят Чернигов, черный дым на горизонте, черные, напуганные люди ... А потом – поздняя осень. Холодный дождь. Я, оголодавший, брожу среди вишен, ищу на деревьях мокрый клей, горьковатый кусочек коры ... эта скользкая глина вокруг ямы, в которую опускают гроб с телом моей матери, этот сбитый на

скорую руку из вербовых веток крест над могилой» [4, с. 40-42]. И потом, уже юношей, он становится членом советского общества, гражданином СССР, страны, которая исчезнет с политической карты мира еще при его жизни.

Менее ярко выражено историческое время в романах-воспоминаниях начала XXI века, к примеру, в «Настоящих мемуарах гейши» М. Ивасаки и «Луна якудза» С. Тендо. По нашему мнению, эту закономерность можно объяснить тем обстоятельством, что авторы вышеназванных произведений родились уже после Второй Мировой войны и других значительных исторических событий, произошедших в первой половине XX века (М. Ивасаки родилась в 1949 году, С. Тендо – в 1968). Во второй половине прошлого столетия жизнь потекла более-менее размеренно (не считая, разумеется, периода Холодной Войны и развала Советского Союза, которые все-таки мало повлияли на жизнь в Японии). В связи с этим, внимание в романах-воспоминаниях начала XXI века переместилось с исторического времени и фона на судьбу отдельного человека, то есть на автобиографическое время. Если в «Настоящих мемуарах гейши» еще и проступает историческое время, то это только в связи с профессиональной деятельностью автора. Минеко Ивасаки была известнейшей в Японии гейшей второй половины XX века и имела возможность встретиться со многими общественными, политическими деятелями и знаменитостями. Минеко присутствовала на банкетах в честь президента США Дж. Форда и госсекретаря Г. Киссинджера, английской королевы Елизаветы Второй, всемирно-известного модельера Альдо Гуччи. А именно исторические процессы мало повлияли на традиционный быт гейш того времени, ведь все значительные исторические события пришли задолго до появления Минеко в доме гейш Ивасаки. О них девочка узнавала лишь от госпожи Оима, хозяйки дома. Особенно запомнился Минеко банкет в честь Г. Киссинджера: «Президент Форд был очень приятным, но не выглядел действительно

заинтересованным японской культурой. Его озашики (банкет. – К. И.) был спокойным и унылым. С другой стороны, секретарь Киссинджер всем интересовался и задавал массу вопросов, среди них и много рискованных. Он был забавным. Вечеринка становилась все веселее и в конце концов закончилась тем, что мы вместе танцевали и пели песни» [6, с. 292].

В романе-воспоминании С. Тендо «Луна якудза» историческое время проявляется лишь в связи с работой мемуаристки. В 80-е годы прошлого столетия Япония переживала экономический бум и заработки в стране росли. О 1987 годе, когда Сёко работала в баре «девушкой для бесед», она пишет: «Это был 1987 год, пик экономического бума в Японии, когда деньги текли в стране рекой, как sake, которое мы наливали для наших клиентов. Поведение некоторых бизнесменов меня просто поражало. Они разбрасывались деньгами так, будто завтра наступит конец света» [13, с. 90]. И далее, о конце этого периода процветания: «В начале девяностых процветание, которым наслаждалась Япония в восьмидесятые годы, закончилось. Экономический бум закончился и бар едва-едва сводил концы с концами» [13, с. 150]. «Средний» человек мало интересуется историческими событиями или состоянием экономики, обращая на них свое внимание, только если они как-то затрагивают лично его. Целью жизни М. Ивасаки было добиться известности, стать лучшей гейшей и зарабатывать самые высокие гонорары для того, чтобы иметь возможность вернуться к нормальной жизни и встретить свою любовь. Также, С. Тендо боролась за существование, освободившись от наркотической зависимости и страдая от мужчин, которые так ее мучили. Её драма – глубоко личного характера. На первый план здесь выступает автобиографическое время.

Напротив, В. Дрозда и Дж. Кутзее как писателей волновала не только собственная судьба, но и историческое окружение, эпоха в самом широком смысле этого слова. В отличие от М. Ивасаки и С. Тендо, В. Дрозд и Дж. Кутзее восприняли и освоили свое задание как представителей эпохи. И,

хоть иногда их произведения и кажутся лишь исповедью, их имена навеки вписаны в народную память и историю. Интерес к произведениям М. Ивасаки и С. Тендо спровоцирован, прежде всего, необычностью описываемого быта и событий, некоторой экзотикой (в «Настоящих мемуарах гейши» это быт и работа гейш, в «Луне Якудза» – таинственный мир японской мафии, «якудза»). Интерес же к воспоминаниям профессиональных писателей объясняется, прежде всего, самой личностью автора и его жизнью, ролью в обществе, культуре и истории как творца и мастера слова.

Философское время возникает как результат самой природы мемуарной прозы. Роман-воспоминание насквозь проникнут ощущением течения времени, его основная задача – воспроизведение времени и эпохи, как можно более полное и яркое. Автор в романе-воспоминании использует приемы художественной литературы для усиления впечатлений от фактов: лирический характер мемуарной прозы позволяет передать и чувства, и переживания автора. Потому так привычны размышления автора о природе времени. Причина этих размышлений – желание лучше понять время и его особенности, дабы более четко изобразить его в произведении. Белорусская исследовательница мемуаристики Т. Симонова пишет по этому поводу следующее: «Литературные мемуары воздействуют не только на разум, но и на эмоциональную сферу реципиента, совершенно так же, как художественная проза, причем это воздействие усиливается за счет осознания подлинности изображаемого» [9, с. 28]. И. Жиленко в романе-воспоминании «*Nomo feriens*» впервые узнает о философии времени, слушая рассказы о прошлом своей бабушки. В авторских лирических отступлениях сама поэтесса часто размышляет о природе времени: «Молодой человек смотрит в свое будущее, как в бинокль – таким большим и даже бесконечным кажется оно ему. Я же теперь вглядываюсь в прошлое как в обратный конец этого бинокля, и ужасаюсь крошечностью, сиюминутностью той прошлой жизни.

Уже и не углядишь слабыми глазами. О, тот маленький театр!» [5, с. 121] Именно как “маленький театр” видит мемуаристка своё прошлое. Юность кажется ей лишь репетицией настоящей, зрелой, жизни, это её земляничный луг – место, где никто не страдает и где никогда не идет дождь; место и время, в которых даже открытие новой кофейни становится событием космического масштаба. Рядом с собой, юной, застенчивой и мечтательной девушкой, и со своими друзьями, И. Жиленко идет уже поседевшая и мудрая: «Среди своих молодых (и живых!) друзей хожу я, седая и всезнающая, нежно всматриваясь в их далекие лица, вслушиваясь в разговоры и споры, от которых – то смех охватывает, то влажнеют глаза» [5, с. 121].

Немецкая литература имеет богатый опыт освоения исторического времени. В частности, здесь выделяются романы-воспоминания К. Вольф «Образы детства» и Г. Грасса «Луковица памяти». Кроме описания одной и той же исторической эпохи эти произведения отличаются также сходной сложностью манеры повествования. В романе-воспоминании К. Вольф, рассказчик переходит от первого лица (Я) ко второму лицу (ты) и даже к третьему (она), стараясь воспроизвести свои собственные воспоминания и переживания. Такая сложность повествования объясняется сложностью взаимоотношений между различными ипостасями автобиографической героини романа: автор повествует о себе-девочке, о себе-подростке и одновременно, о себе-взрослой женщине, приехавшей в родной город через многие годы: «В перекрестном самодопросе открывается подлинная причина расстройства речи: между монологом и обращением к другому лицу происходит роковое изменение грамматических отношений. Я, ты, она, в мыслях сливающиеся воедино, в произнесенной фразе будут разобщены» [1, с. 7]. Произведение пишется с трудом, ведь так сложно найти золотую середину и выразить впечатления, мысли и переживания всех троих: девочки, подростка, взрослой писательницы (у которой, к тому же, есть уже и дочь). За годы воспоминания поблекли, как старая фотопленка, в деталях не хватает

четкости. Тут автор вынужден прибегнуть к вымыслу и исследованию, ведь невозможно восстановить в памяти все разговоры или объявления по радио и в газетах. В предисловии Д. Гранин озвучивает трудности восприятия романа «Образы детства»: «Роман шел от первого лица. Затем это лицо расщеплялось. Героиня нынешняя встречается с собою-девочкой, то с маленькой, то с подростком. Узнает себя и не узнает. Несколько разновозрастных «Я» окружают рассказчицу, она пытается распознать их, воспоминания ранние мешаются с поздними, и все это – с нынешними переживаниями. Дочь героини, Ленка, соседствует с юной Нелли, они одногодки. Ребенок Нелли живет где-то в сороковых годах, в военной, затем в послевоенной Германии. Рассказчица присутствует в романе и как мать, и как дочь, она и вспоминает, и анализирует процесс воспоминания, и контролирует этот анализ» [1, с. 2]. В романе, кроме прошлого (детства девочки Нелли и подростка Нелли) существуют ещё два временных пласта: поездка в родной город Ландсберг-на-Варте (лето 1971 года) и время написания романа – 1975 год. Роман-воспоминание «Образы детства» стремится раскрыть сущность фашизма, но не как общую, а как личную проблему автора – как и почему обыкновенная девочка стала фашисткой. При этом она не стремится переложить вину за свои поступки на взрослых или пропаганду – К. Вольф берет всю ответственность на себя.

Г. Грасс в романе-воспоминании «Луковица памяти» исследует ту же эпоху, и стремится найти ответ на схожие вопросы: как в семье лавочника (типичного «материала» для фашистских кадров) вырос сознательный гражданин и, более того, писатель, который после многие годы служил «совестью» немецкой нации, не давая ей забыть о совершенных ею преступлениях против человечества.

В творчестве Г. Грасса выделяется особая техника, которую изобрел сам автор, назвав ее *Vergegenkunft* – составной неологизм из немецких слов *Vergangenheit* (прошлое), *Gegenwart* (настоящее) и *Zukunft* (будущее). В

русскоязычной литературной критике это понятие передается как «четвертое время». В интервью 1991 года газете «Paris review» Г. Грасс прокомментировал функции и причины возникновения этого неологизма: «Всегда, когда я думаю о будущем, мои знания о прошлом и настоящем также присущи этим мыслям, и эти знания влияют на то, что я называю будущим ... Умственно мы не ограничены хронологией – мы знаем об одновременном существовании различных временных измерений, представляя их как единство. Как писатель, я обязан понимать и уметь выразить это взаимопроникновение времен. Темпоральная тема стала одной из важнейших в моем творчестве. «Головорожденные, или Немцы вымирают» написан уже с точки зрения нового, изобретенного мной времени, которое я назвал *Vergegenkunft*» [12, с. 12].

Сосуществование нескольких временных пластов в одном произведении не исчерпывает значение четвертого времени. А. Добряшкина в кандидатской диссертации «Гротеск в творчестве Гюнтера Грасс» отмечает связь четвертого времени с понятием «амбивалентной правды», также присущим творчеству этого писателя: «Такой концепт «амбивалентной правды» Грасс понимает как задачу писателя релятивизировать систему канонических ориентиров политики, исторической науки и религии при восприятии духовных ценностей, явлений и фактов ... Любое произведение Грасса поэтому – это поиск «другой правды»» [3, с. 2]. Гротеск и преувеличение, иронию и фарс использует Г. Грасс в своих произведениях для обострения абсурдности и неадекватности существующих представлений. Прошлое Г. Грасс воспринимает как многогранное и многозначное. «Амбивалентная правда» и «четвертое время», соединяясь, образуют ткань произведений писателя. В поисках «забытого лица истории» (фраза из Нобелевского диплома Г. Грасса 1999 года. – К. И.) писатель прибегает не только к гротесковому противопоставлению и провокации, но и перерабатывает, переосмысливает концепцию времени – именно в этом

центральное место занимает четвертое время. В действительности Г. Грасса хронология – лишь фикция; писатель волен расставлять события в порядке, который отвечает его замыслу, соединять их любым способом, не обращая внимания на хронологические несоответствия, сравнивая и сопоставляя события разных времен, чтобы лучше понять их: «автор неизменно сопоставляет прошлое с настоящим, преодолевая временные рамки» [8, с. 53]. «Оценки прошлого зависят от настоящего, настоящее слишком быстротечно, будущее эфемерно — за ними не уследишь. А четвертое время позволяет объединить все три и работать с ними одновременно. К тому же в «четвертое время» входит не только реальное, но и воображаемое» [10] – пишет в статье «Четвертое время и блюз-гуляш коммунизма» А. Чанцев. Именно поэтому в романе-воспоминании Г. Грасса присутствует ряд апокрифических эпизодов. Первый эпизод – совместная игра Г. Грасса и его приятелей с Луи Армстронгом: «Какое событие! Нет, ни банджо Шолля, ни мои наперстки на волнистой поверхности стиральной доски, а Флейтист ... привлек внимание Луи Армстронга. Дерзко, с лунатической уверенностью и сыгранностью музицировал наш квартет» [2, с. 431-432]. Но далее сам автор, нерешительно и в то же время провокационно, пишет: «Даже если некая профессиональная деформация склонила меня к тому, что я, оборачиваясь назад, вновь пережил событие, которое выглядит на бумаге вполне достоверным, хотя в банальной действительности этой замечательной встречи, возможно, и не было, однако она осталась для меня зримо реальной, она продолжает быть осязаемо близкой, яркой, как золотой блеск трубы, – вне любой неуверенности и любых сомнений» [2, с. 432]. Так. Автор дает нам очевидную подсказку о реальности данного эпизода. И все же, многими читателями и даже критиками этот эпизод был воспринят как «чистая правда». По свидетельству переводчика Г. Грасса Б. Хлебникова, этот эпизод вошел в биографическую книгу М. Юргса «Гражданин Грасс». Может быть подвергнута сомнению и правдивость эпизода игры в кости Г. Грасса с Й. Ратцингером (будущий Папа

Бенедикт XVI) в лагере для военнопленных: «Заняться нам с Йозефом было нечем, поэтому мы играли с ним в кости на наше будущее. Мне уже тогда хотелось стать художником, я жаждал славы, а он решил сделаться епископом, даже метил выше, черт его знает – куда» [2, с. 484]. Автор играет с читателем, подкидывая вымышленные эпизоды, которые, однако, являются правдоподобными (на чем настаивает сам автор – не на их правдивости, но на их *правдоподобии*): «Не стану клясться, что худосочного парнишку, с которым я в начале июня сорок пятого года сидел в бад-айблингском лагере ... действительно звали Ратцингером, но ... Ратцингер, который раньше возглавлял конгрегацию вероучения, а теперь стал Верховным понтификом, сидел в бад-айблингском лагере вместе с десятками тысяч других военнопленных» [2, с. 483]. Несмотря на явный вымысел этих эпизодов, Г. Грасса нельзя уличить во лжи, ведь эти эпизоды все же являются правдоподобными и органично сливаются с реальными событиями из жизни автора «Луковицы памяти». Подобный монтаж реальных фактов и вымысла является одной из характерных черт техники четвертого времени. С помощью этого приема создается некая «эпичность», отстраненность, дистанция между автором и описываемыми событиями, онтологически значимое пространство, из которого легче оценить общую картину мироздания и свое место в ней.

Автобиографическое время присутствует в любом романе-воспоминании, так как оно – база для «надстроек» исторического и философского времен. В личной судьбе автобиографического героя отражается и историческая обстановка времени, в котором он жил и действовал, так или иначе оказываясь вовлеченным в исторические события эпохи. Философское время является неотъемлемой частью романа-воспоминания, благодаря его философскому и лирическому характеру: с возрастом меняются принципы, чувства, на перспективу влияет жизненный опыт, полученный автором за годы, прошедшие со времен описываемых событий прошлого. Более того, авторов романов-воспоминаний интересует

сама природа времени и памяти. Для романов-воспоминаний, в которых описываемые события относятся к первой половине-середине XX века, тяготеют к характерно преобладанию исторического и философского времени (К. Вольф «Образы детства», Г. Грасс «Луковица памяти», И. Жиленко «Номо feriens»), тогда как в романах-воспоминаниях, описывающих события второй половины XX-начала XXI века преобладает автобиографическое время (М. Ивасаки «Настоящие мемуары гейши», Дж. Кутзее «Юность», С. Тендо «Луна якудза»). Роман-воспоминание Г. Грасса «Луковица памяти» выделяется на фоне остальных особенной техникой «четвертого времени», которая позволяет мемуаристу совмещать реальность и вымысел, прошлое, настоящее и будущее в попытке дать адекватную картину прошлого.

Литература

1. **Вольф К.** Образы детства / К. Вольф; пер. с нем. Н. Федоровой. – М.: Художественная литература, 1989. – 432 с.
2. **Грасс Г.** Луковица памяти / Г. Грасс; пер. с нем. Б. Н. Хлебников. – М.: Иностранка, 2008. – 592 с.
3. **Добряшкина А. В.** Гротеск в творчестве Гюнтера Грасса: дис. ... кандидата филол. наук: 10.01.03 / Добряшкина Анна Владимировна. – М., 2005. – 160 с.
4. **Дрозд В. Г.** Музей живого письменника, або Моя довга дорога в ринок / В. Г. Дрозд. – К.: Рад. письменник, 1994. – 203 с.
5. **Жиленко І.** Номо Feriens / І. Жиленко; передм. М. Коцюбинської. – К.: Смолоскип, 2011. – 816 с.
6. **Ивасаки М.** Настоящие мемуары гейши / Минеко Ивасаки. – Спб.: Амфора, 2007. – 320 с.
7. **Колядич Т. М.** Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01 / Колядич Татьяна Михайловна. – М., 1999. – 400 с.

8. **Пронин В. А.** Гюнтер Грасс – первый после Бёлля / В. А. Пронин // Школьная библиотека. – 2009. – №3. – С. 50 – 53.
9. **Симонова Т. Г.** Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: Учеб. пособие / Т.Г.Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.
10. **Чанцев А.** Четвертое время и блюз-гуляш коммунизма / Александр Чанцев // Новое литературное обозрение. – 2009. – №96. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/ch24-pr.html>.
11. **Coetzee J. M.** Youth. Scenes of provincial life II / J. M. Coetzee. – Viking Adult, 2002. – 144 p.
12. **Grass G.** The Art of Fiction №124 [Interview] / Gunter Grass // The Paris Review. – Summer 1991. – №119. – 13 p.
13. **Tendo S.** Yakuza Moon: Memoirs of a Gangster's Daughter / Shoko Tendo; Trans. By L. Heal. – Tokyo: Kodansha International Ltd., 2007. – 192 p.